

НЕЧИСТОТЫ ПИТЕР

Мелалика Невинная, Саша Мирovich,
Саша Некрасова, Светлана Гусева, Риган Хэйс,
Полина Максимова, Вера Сорока

рассказы

МИО

МИФ Проза

Светлана Гусева
Нечистый Питер

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос)6-44

Гусева С.

Нечистый Питер / С. Гусева — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281265-3

Думаете, вы знаете Петербург? Не спешите. Стоит свернуть не туда, задержаться у воды после полуночи или слишком всерьез отнестись к старой городской легенде – и знакомые улицы покажут свою Другую сторону. Там у Литейного моста появляется призрачный двойник, за туманом исчезает настоящий город, а Минерва из Летнего сада сходит с пьедестала и запускает копье вам вслед. И это далеко не самое странное, что может случиться. Семь рассказов современных авторов приоткрывают дверь в мистическую изнанку города. Входите, если не боитесь узнать, что за ней скрывается.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос)6-44

ISBN 978-5-00-281265-3

© Гусева С., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Мелалика Невинная. Записки местного гида	7
Саша Мирovich. Фарфоровая королева	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Мелалика Невинная, Саша Мирovich,
Саша Некрасова, Светлана Гусева, Риган
Хэйс, Полина Максимова, Вера Сорока
Нечистый Питер**

Авторы:

Мелалика Невинная, Саша Мирович, Саша Некрасова, Светлана Гусева, Риган Хэйс, Полина Максимова, Вера Сорока

*Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака.
Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.*

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Невинная М., Мирович С., Некрасова С., Гусева С., Хэйс Р., Максимова П., Сорока В., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Мелалика Невинная. Записки местного гида

Вынырываю из станции метро «Адмиралтейская» и беру курс на Невский проспект. Смесь запахов мгновенно захлестывает меня с головой, бьет в нос и заполняет легкие. Горячий асфальт, выхлопные газы, парфюм (от приторной сладости до терпкой горечи), шаверма, а над всем этим – всепроникающий, по-настоящему летний дух близкой большой воды. Не без гордости за свои умения – смотрите, мне не оттоптали ноги! – лавирую между туристами и зазывалами. Последние разве что за руки не хватают («Билеты на кораблик!» – «Экскурсии в пригороды: Кронштадт, Петергоф, Царское Село!» – «Весь Петербург за два часа!»).

Ей-богу, закажу-таки себе футболку с надписью «Местный гид». Сколько я, впрочем, собираюсь ее заказать? А воз, как говорится, и ныне там. Некогда потому что. Всё дела да случаи. Всё куда-то бегу. Прямо как сейчас. Пробегаю мимо громады дома Вавельберга, мимо столовой, куда выстраиваются дикие очереди (и люди дикие – на том же Невском есть много интересных и бюджетных мест, а народ ни сном ни духом), и ныряю в арку, ведущую к антикварному магазину.

Двор, где расположен антикварный, меня не интересует. Меня интересует тот, в который можно попасть через него, – крохотный аппендикс необычной формы, похожий на расставленный угловатый логотип метро. Но это я так считаю. Другие считают, что это крылья ангела, и двор зовут соответственно – Двор Ангела. Мне нужно именно туда.

Если арка со стороны Невского открыта всегда, то проход во Двор Ангела закрывает калитка с магнитным замком. Без ключа не попадешь, нужно набраться терпения и ждать, когда кто-нибудь выйдет. Группы я сюда не вожу – только отдельных лиц за отдельную же малую мзду. Так что во Двор Ангела я иду не столько с проверкой своего маршрута, сколько по традиции. Раз уж я все равно в этих краях, почему бы не отметить?

Заветная калитка открывается, из нее выходит парень с походным рюкзаком, а я – держа покерфейс! – шагаю во Двор Ангела. Здесь царит прохлада и витает легкий, едва различимый дух сырости. Во Дворе Ангела загадывают желания. Главное – встать в правильной точке,

чтобы небо над головой казалось распахнутыми ангельскими крыльями. Эта традиция, правда, забылась, зато возникла новая – писать свои желания на стенах.

Бросаю взгляд на исписанные стены («Хочу денег», «Хочу стать режиссером», «Хочу танцевать круче всех»), но много прочесть не успеваю. Рядом со мной материализуется ангел. С удивлением осознаю, что он смахивает на петербургских ангелов работы скульптора Шустрова. Видимся мы с хранителем двора регулярно, облик он не менял, но до меня лишь сегодня доходит: надо же, как похож – и на того крылатого, что сидит в Измайловском саду, и на того, что на Карповке... Унифицировались они, что ли, эти петербургские ангелы?

– Загадывать будешь? – деловито интересуется ангел.

– Не-а, – без «здрассе» отвечаю я. – Еще предыдущее не сбылось.

– Одобряю, – говорит мой собеседник и, колупнув пальцем штукатурку на стене, кивает на надписи: – Красить придется?

– Коммунальщики пусть красят, – фыркаю я. – Заявка им отправлена.

– Хорошо, – вздыхает ангел, будто не до конца веря в доблестных питерских коммунальщиков (это он зря, некоторые сотрудники «Жилкомсервиса» на Охте, например, даже преступления помогают расследовать), и указывает на одну из надписей, что попалась мне на глаза: – Вот скажи, как можно так формулировать: хочу танцевать круче всех? Круче кого? Круче тех, кто вальс танцует или хип-хоп? Как мне узнать, что человек имел в виду? И «хочу» еще это...

– ...пресловутое... – бормочу я.

– Пресловутое, – подтверждает ангел и продолжает: – Кто их всех учил загадывать желания через «Я хочу»? Получается, что все уже сбылось: ты отлично хочешь, продолжай дальше.

– Угу, – отзываюсь я и добавляю: – Честно, я не знаю, как до людей донести про правильные формулировки. И памятки раздаю, и лекции читаю... И ничего. Столько лет потеряно впус-ту-ю.

Пока я произношу по слогам последнее слово, ангел с подозрением смотрит на меня.

– Опять что-то цитируешь? – недоверчиво уточняет он.

– Цитирую, – отвечаю я.

– Цитируй, цитируй, – вновь вздыхает ангел. – Культурный код надо поддерживать и развивать. Так а что ты здесь, если не загадывать? Опять кого приведешь на днях?

– Сюда пока никого не приведу, – уверяю я. – Просто захотелось тебя навестить.

– Тоже правильно, – соглашается ангел и спрашивает: – Может, все же загадаешь чего?

– Стену жалко, – бросаю я, – и свои усилия. Все равно коммунальщики зайдут на днях.

– Ты ведь знаешь, что писать не обязательно, – в голосе ангела я слышу удивление. Что же, не все мне удивляться – пусть и он немного недоумевает.

– Спасибо, мне пора. Бывай. Жди коммунальщиков.

Раскланиваюсь и покидаю двор. Дальше мой путь лежит на Дворцовую площадь. Дворцовая пахнет нагретым камнем и немножечко морем. Пока иду к Александровской колонне, осматриваюсь – не встретить бы Петра Первого или Екатерину Вторую. Это, я вам скажу, байки, что известные фигуры прошлого ходят по Дворцовой туманной ночью, когда не светит луна (по другим версиям – строго в полнолуние). Днем они ходят. Среди бела дня, туристов и прочих ряженых. Только и успевай оглядываться.

Почему не хочу с ними встречаться? Потому что на этом маршруте у меня уже есть два Петра Первых в разных ипостасях. Встречу с третьим я сейчас не потяну. Большие фигуры, чтобы вам было известно, могут надолго завладеть вниманием и временем, а у меня того времени нет. Лишнего внимания, впрочем, тоже.

Обхожу колонну по часовой стрелке (в голове при этом крутится «Александровский столп покрылся, как мечтали, листвою», впрочем, возможно, по тексту правильно «как мечтами») и двигаю к портику Нового Эрмитажа (теперь в голове звучит «Атланты держат небо...»), но вот на руках или на плечах, я тоже не помню). Вообще, говорят (даже я порой

говору), что, загадав желание, Александровскую колонну нужно обойти по часовой стрелке трижды. Только тогда загаданное исполнится.

На самом деле, сбудется ли загаданное, зависит в основном от других факторов: от того, как вы сформулировали запрос, от вашей готовности принять его в свою жизнь, от загруженности мироздания... Остальное – чаще всего просто ритуал, а ритуалы в основном нужны людям, а не местам. Места прекрасно работают и без них. Например, в случае Александрийского столпа можно просто встать рядом и, держа колонну в поле зрения, загадать желание. Но вы этого от меня не слышали. Потому что потому. Позже объясню, если не забуду.

Атланты замечают меня издали. Их приветствия нестройно врываются в мои мысли. У Эрмитажа не разгуляешься – слишком много народу. Это вам не камерный Двор Ангела, где можно и вслух поговорить.

В портике Нового Эрмитажа сухо и тепло. Даже, пожалуй, жарко. Принимаю, не веря своим ощущениям: здесь пахнет горячим песком. Я осматриваю гранитных исполинов, поддерживающих балкон, и хмыкаю. Говорят, желания исполняет крайний (горько вздыхаю: даже в городские легенды просочилась эта дурацкая традиция заменять слово «последний» словом «крайний») правый от Марсова поля атлант. Но я всякий раз задумываюсь: «от Марсова поля» означает, что мы считаем атлантов отсюда по направлению к Дворцовой или все же наоборот?

– Нога чешется, – жалуется крайний справа атлант, когда я подхожу к нему.

Крайний он, как раз если считать от площади. Так вот, собственно, пока я помню про ритуалы и прочие подобные заморочки вроде крайнего справа. Разумеется, ритуалы при загадывании желаний важны. Ритуал – это часть процесса. Он помогает человеку настроиться на определенный лад. Пока вы идете к месту силы, пока ищете нужную деталь, пока произносите слова, у вас есть время подумать – и о правильности формулировок, и о том, надо ли вам вообще что-то просить у высших сил, или вы сами справитесь. Кроме того, это отчасти ваша плата за исполнение желаемого. Ритуал – это декларация о намерении, это опора и подсказка для тех, кто хочет сделать все правильно. Однако, если так разобраться, порой достаточно только намерения и верной формулировки, а место силы – это не крохотная точка, а целая локация. Взять, к примеру, тех же атлантов – на самом деле на исполнение желаний они работают все вместе. Всем своим бригадным подрядом в десять великанов из сердобольского гранита.

– Почеши, а, – тянет атлант. – Пожалуйста.

Вздыхаю, смахиваю с ноги атланта жука и тру ладонью нагретый солнцем гранит. Наверное, со стороны кажется, что я касаюсь статуи, чтобы загадать желание.

– Спасибо, – благодарит атлант.

– На днях приведу группу, – тем временем говорю я, обращаясь ко всем атлантам разом. Разумеется, тоже мысленно, чего людей пугать. – Я им, конечно, расскажу, кто из вас крайний, а кто последний, но вы на одного все не сваливайте. Если будут годные заявки, друженько обработайте.

У атлантов есть своя фишечка – семейное счастье. Думаете, отчего к ним часто приезжают молодожены? Так что подобные заявки обрабатываются атлантами вне очереди, особенно если желающий четко знает, как выглядит это его или ее счастье (и внешне, и внутренне).

Машу рукой атлантам и отправляюсь на Адмиралтейскую набережную, вновь уворачиваясь от зазывал. Господи, какая же у нас конкуренция в области катания на кораблях! (Чему я, впрочем, удивляюсь. Трафик по рекам и каналам не хуже, чем на дорогах, даже пробки бывают.) Мимо Дворцовой пристани, пропахшей жареной корюшкой и дешевым пивом, шагаю не останавливаясь. Разве что киваю на ходу охраняющим ее львам. С этими проблем не бывает никогда. Тут, скорее, засада с Кунсткамерой, которая смотрит аккуратно на пристань (ну или пристань смотрит на Кунсткамеру). Все, что загадано у «спуска со львами», может сбыться

причудливым образом. Я, конечно, всегда об этом предупреждаю, но никогда не угадать, что именно будет причудливо: способ получения желаемого, путь к нему или вовсе сама цель.

От размышлений о Кунсткамере меня отвлекает первый Петр. В смысле первая ипостась Петра Первого на сегодняшнем маршруте – монумент «Царь-плотник». Петр изображен на нем молодым, обучающимся кораблестроению.

- Штормит? – слышу я ехидный голос царя где-то в висках.
- Штормит, – соглашаюсь я, – вы были абсолютно правы.
- Я же говорил! – хохочет Петр. – А ты мне что? «Сдюжу, царь-батюшка».
- Я и не говорю, что не вывожу, – ворчу я, – но признаю, штормит.

У «Царя-плотника» нрав примерно как у Кунсткамеры. Впрочем, Кунсткамера же его детище. На этой точке просят о перемене участи, лучше всего в карьере. Однако не стоит удивляться, если через полгода вы вдруг обнаружите себя не главным бухгалтером на предприятии, а в кругосветке или в мореходке. Не то чтобы молодой Петр решит за вас, какое место вы должны занимать, нет. Просто чаще всего многие не осознают, какая участь будет для них лучшей, а имеют лишь смутные, а то и ошибочные представления о своей мечте. «Царь-плотник» же открывает подчас те пути, о которых человек и не думал.

Почему Петр сейчас смеется надо мной? Потому что на тест-драйве (я всегда проверяю маршрут сначала на себе, а обкатанный маршрут все равно, как сейчас, пробегаю заново, чтобы не было неприятных сюрпризов) царь предупреждал меня: путь в профессиональную область, куда мне хотелось попасть, открыт, но штормить при переходе будет как на картине из Русского музея. «Девятый вал» называется. Петр оказался прав: штормит, но я не сдаюсь.

– Скоро уже устаканится, – усмехается царь, вворачивая в свою речь нецарственное словечко.

- Группу приведу, – мимоходом бросаю я.
- Веди, но предупреждай крепко, – велит он.
- Предупреждаю.
- Ну, будь тогда.

Шагаю по набережной дальше, затем перехожу на Сенатскую площадь. Тут, среди ароматов свежескошенной травы, ветра с Невы и подтаявшего мороженого, меня встречает вторая ипостась Петра Первого – Медный всадник. Второй, в отличие от первого (экий каламбур получился: первый Петр Первый), никогда не шутит. Он серьезен и строг. Это объясняется спецификой места (впрочем, может, и наоборот – характер монумента определил специфику места). Оно дарует поддержку. Если вы ранее на маршруте уже пожелали столько всего, что неизвестно, откуда брать энергию, чтобы с этим потом жить, – вам сюда.

Сенатская площадь – это, образно говоря, место для перекура. Здесь можно набраться силы – силы выстоять, выдержать, пережить любой шторм, особенно шторм перемены участи. Чем лично я сейчас и воспользуюсь.

С Медным всадником мы расходимся почти без слов: приветствие, благодарность (на всякий кидаю к подножию монумента монетку, одновременно уворачиваясь от девицы, желающей вручить мне упитанного белого голубя для фотосессии), прощание. Сенатская площадь – хорошее, честное место. Отсюда никто не уйдет обиженным, но и лишнего здесь хапнуть трудно. Тени декабристов не беспокоят, если вы вдруг за это переживаете. Удивительно, что декабристы вообще никого не беспокоят – так, прогуливаются иногда по кронверку Петропавловской крепости. Поговаривают, правда, что они сильно суежились перед Великой Отечественной, вроде как предупреждали, но я ничего сказать не могу – меня тогда еще не было.

Кстати, о Великой Отечественной. Мой дальнейший путь лежит мимо Исаакиевского собора. На одной из колонн западного фасада, мимо которого и пролегает маршрут, есть следы попадания немецких снарядов. Вы не поверите, но это тоже место силы. Если у Медного всад-

ника просят энергии на реализацию желаемого, то здесь, у колонн, можно просить защиты и опоры. Они выстояли сами, помогут и другим.

Останавливаюсь и некоторое время просто смотрю на посеченные артиллерийским огнем колонны. Нестерпимо пахнет морем и солнцем, хоть бросай все дела и поезжай на залив. Увы, маршрут сам себя не проверит, а набранная группа сама себя не проведет.

Сегодня я ничего не прошу у колонн Исаакия, просто считаю нужным дать им внимание. Благодарю собор за ту поддержку, что он дает городу, его насельникам и гостям. Потом иду дальше – через Синий мост (между прочим, самый широкий мост в городе) к Мариинскому дворцу. По левую руку остается гостиница «Англетер». Она не ложится в канву моего маршрута. Пересечься с призраком Есенина – это квест не для всех. Только для видящих и для понимающих. Желаний покойный поэт не исполняет, а если вы ему не понравитесь, может еще и по матушке с батюшкой обложить.

Великая княгиня Мария Николаевна уже ждет меня на крыльце заксобрания, простите, Мариинского дворца. Папенька ее, император Николай Первый, гарцует на коне у меня за спиной и нами не интересуется – он же памятник. А вот Мария – призрак (и очень модный, я вам скажу, призрак – она круто миксует наряды своих времен с современными). С «лихих» (или «святых»?) девяностых она делает вид, что покинула дворец, поэтому туристам не показывается – разве что видящим, да и то не всем.

– Группа будет? – прищуривается великая княгиня после того, как я приветствую ее.

– Будет, – киваю я и принимаюсь: а тут чем пахнет? Пахнет мытой мостовой и все тем же недавно покошенным газоном.

– Если в выходные пойдете, заведи в сад.

Сад Мариинского дворца (впрочем, технически он сквер, а не сад, но это особо не меняет дела) для всеобщего посещения открыли по историческим меркам не так давно. Место, где гуляли сначала лишь приближенные к царской семье, а потом депутаты заксобрания, по выходным в теплое время года стало доступно всем.

– Ага, – расплывчато отвечаю я.

Призрак Марии мне импонирует. Из дворца ее пытались изгнать священники и шаманы, но она всех обвела вокруг пальца. Характер у нее остался ровно такой, каким был при жизни. Она переупрямила папеньку – того, что сейчас гарцует на Исаакиевской площади, – и не вышла замуж за границу. Так и сказала: «Или никогда не выйду замуж, или вместе с мужем буду жить в Петербурге». Пришлось Николаю искать дочери такого жениха, чтобы и из приличной заграничной семьи был и переехал жить в Россию. Женихом Марии стал герцог Максимилиан Лейхтенбергский – внезапно родственник Наполеона Бонапарта. Мариинский дворец же построили как свадебный подарок молодым.

Если вы думаете, что у дворца Марии просят счастливую личную жизнь, я вас разочарую. Напоминаю: счастливая личная жизнь у атлантов. В смысле, у самих атлантов, разумеется, никакой личной жизни нет (хотя что мы знаем об атлантах), но желания на эту тему загадывают у портика Нового Эрмитажа. У Мариинского дворца можно загадывать все что угодно. Любое желание, которое должно сбыться так, как вам хочется.

Когда вы загадываете желания в других местах, вы понимаете (я надеюсь), что, по сути, отдаете способ и путь исполнения на волю города и мира. Это те самые (не менее пресловутые) «вам шашечки или ехать». Все исполнится так, как посчитают нужным высшие силы. У Мариинского дворца можно пожелать ехать с шашечками – чтобы желание исполнилось именно таким образом, как вы это видите.

– Только с желаниями пусть не усердствуют, – привычно предупреждает Мария и закуливает призрачную сигарету. Запах табака от той сигареты, впрочем, весьма реальный. – Оно все же чаще лучше, как мироздание решит, а не как люди себе представляют.

Я молча киваю. Иногда и впрямь лучше дать чему-то случиться по воле мироздания, а не по вашему хотению. Мироздание значительно больше каждого из нас, и ему видны многие неочевидные нам пути («Жираф большой, ему видней!» – хрипит в моей голове голос Высоцкого). Впрочем, порой стоит дать людям возможность исполнить их мечты согласно их собственной фантазии. Как минимум, чтобы они понимали ответственность и чтобы им было с чем сравнить. Так что место у Мариинского дворца не только сильное, но и обладает воспитательным эффектом.

– Кофе мне захвати, как с группой пойдешь, – командует Мария и швыряет окурок в клумбу.

Окурок растворяется в воздухе, не долетев до земли, а я вновь киваю. Выходя на Вознесенский проспект, ухмыляюсь: интересно, призрак великой княгини выпивает этот кофе в нашем материальном мире или местные дворники уже не удивляются, всякий раз находя в окрестностях дворца полные бумажные стаканчики?

Отрезок от Мариинского дворца до Гражданской улицы – это финальная часть маршрута. Сегодня здесь пахнет нагретыми на солнце стенами, асфальтом и немного табаком, как будто сюда дотянулся запах сигарет призрака Марии. Фигур тут уже нет, только места силы. С местами, конечно, порой тоже приходится разговаривать – у них свой характер и свои предпочтения, но здесь мне везет. Локации на Вознесенском тихие и неконфликтные. Они готовы делиться без лишних разговоров. Разве что следует оставить им в знак благодарности конфетку или монетку. Я иногда кладу и то и другое.

Так вот, о местах на Вознесенском. Сначала идут ресторан и гостиница (ладно-ладно, я иду мимо ресторана и гостиницы), названные в честь 1913 года. Здесь просят материального благополучия, причем такого, чтобы всех сравнивали с вами. Почему так? Потому что 1913 год – это последний благополучный год Российской империи, с которым многие достижения сравнивают чуть ли не до сих пор. «По сравнению с 1913 годом», вот это все.

Затем прохожу корейский ресторан. На окнах-витринах написаны пожелания счастья, радости и удачи. От них – сюрприз! – можно зарядиться счастьем, радостью и удачей.

Предпоследний пункт маршрута – Максимилиановская лечебница, названная так в память о муже великой княгини Марии Николаевны, Максимилиане Лейхтенбергском. Самого герцога тут не было и нет, а вот место подходит, чтобы обменять болезнь на здоровье. Только не надейтесь, что сразу же исцелитесь (хотя такие случаи в моей практике бывали: болезнь будто проходила сама собой, либо диагноз оказывался ошибочным). Чаще всего обмен происходит небыстро. Вы можете узнать, что от вашего недуга появилось новое лекарство или лечащий врач вдруг поменяется и окажется тем самым специалистом, который способен вам помочь.

Сворачиваю на Гражданскую улицу. Финальная точка – небольшое семейное кафе, где подают чудесные вафли (а еще весьма сытные ланчи). Находится кафе в так называемом доме исполнения желаний – у всех, кто в нем жил или бывал, повышается качество и уровень жизни. До Октябрьской революции здесь тоже было кафе, куда частенько наведывались актеры перед спектаклями – это приносило успех.

Сажусь в кафе, заказываю ланч, вдыхаю запахи вкусной еды и во всех смыслах выдыхаю. Маршрут проверен (всего, конечно, не предусмотреть, но основное – возможно), ничего не перекопано (коммунальщики, чтоб им хорошо жилось, – это отдельная эпическая сила), никто не возмущается (бывает, та же Мария встает не с той ноги, если призраки, конечно, спят), можно вести группу (аллилуйя!).

* * *

Вынырываю из станции метро «Адмиралтейская». В воздухе пахнет молочными ирисками и дождем, но дождя еще нет – он начнется, как только я заведу группу в кафе в конце маршрута (да, я умею договариваться).

Группа из семи человек уже ждет в условленном месте. Молодцы какие – собрались за десять минут до условленного времени. Значит, с большой вероятностью бережно отнесутся и к моим предупреждениям о специфике маршрута.

Я прочищаю горло, включаю микрофон и обращаюсь к собравшимся:

– Всех приветствую! Добро пожаловать на экскурсию по местам силы Санкт-Петербурга. На нашем маршруте вы сможете загадать желания, отпустить свои проблемы и зарядиться энергией. Сейчас я раздам вам памятки, расскажу, как себя следует вести в местах силы, и будем начинать. Впрочем, считайте, что мы уже начали, ведь чудеса начинаются не в момент соприкосновения с ними, а гораздо раньше – в тот миг, когда каждый из вас изъявил намерение прикоснуться к чуду. Вы же со мной согласны, да?

Саша Минович. Фарфоровая королева

Неправда, что в начале октября Петербург становится монохромным. Всё это дурацкие туристические мифы. На самом деле в это время он совмещает в себе полтора десятка оттенков серого, у него есть пасмурные и сонные темно-серые дни, а есть ясные и бодрые светло-серые. Все это знают, но особенно, конечно, те, у кого окна побольше.

Огромное окно репетиционного зала открывало Дане вид на всё великолепие серости, слегка разбавленной грязной желтизной. После травмы ему пока не разрешали работать на уроках в полную силу, так что времени изучать улицу Зодчего Росси у него было сколько угодно. Сидя в углу и откинувшись на стену, он то придумывал оттенкам серости названия, то рассеянно наблюдал за тем, как дуэты однокурсников отрабатывают очередной танец, то вяло отзывался на окрики педагога: «Старцев, у тебя там все в порядке?»

А что у него может быть в порядке, если он сидит себе у стеночки, бессмысленно тратит время...

Нахмурившись, Даня прикрыл глаза и попытался отогнать унылые мысли.

– Старцев! – немедленно всполошился преподаватель. – Что, плохо?..

– Все хорошо, Юрий Сергеич! – откликнулся он. – Просто глаза устали.

«Носятся, как с китайской вазой...»

Хотелось сбежать и спрятаться под кровать в комнате. Казалось бы, ему должны льстить такая забота и внимание: значит ведь, педагоги его ценят, переживают за здоровье, не считают балластом. Но каждый обеспокоенный взгляд, каждый дежурный вопрос о самочувствии лишь снова и снова напоминал Дане о треклятой травме и с новой силой нагонял сомнения.

Получится ли вообще восстановиться? А если нет? А если гибкость не вернется? Или выносливость? Хрен тогда, а не вариация из «Бриллиантов» или Зигфрид из «Лебединого». И Мариинский найдет кого получше хромой утки. А Парижская опера? Сейчас даже вспоминать странно, как он почти год назад победил на конкурсе в Лозанне¹, и человек от парижской

¹ Prix de Lausanne – один из самых престижных международных балетных конкурсов для молодых танцоров, который

труппы обронил, что, мол, он, вероятно, будет интересен им через год. Любопытно, интересны ли им инвалиды, программки продавать... Ох, нет, на хрен эти мысли!

– А ты чего сидишь-то? – Длинная тень закрыла бледно-серый свет из окна. – У тебя...

– Если ты сейчас спросишь, все ли у меня в порядке, я выкину тебя в окно, – открыв глаза, очень серьезно пообещал Даня и снизу вверх уставился на Глеба, который загородил ему обзор. – Все отлично. Лучше быть не может. Ну может, конечно, но будет совсем скоро. – Он как можно бодрее улыбнулся другу.

– Конечно. – Подошедшая к ним Ника посмотрела сперва на одного, потом на другого и принялась натягивать мешковатый свитер, согревая мышцы. – Все скоро станет лучше, а потом совсем хорошо, Даня снова будет главной звездой, а мы будем им любоваться. – Она обняла обоих за плечи и подтолкнула прочь из зала. – Пошли, на историю опоздаем.

– Да я просто хотел спросить, – запротестовал Глеб. – Он сегодня был какой-то неуверенный. – Он глянул на Нику, а потом повернулся к Дане: – У тебя сегодня, по-моему, лодыжка гуляет, смотришься неустойчиво. Я подумал, может, боль вернулась...

– Ой, Корнилов, следил бы ты за собой, – отмахнулся Даня, как всегда в такие моменты становясь зловореднее обычного. – Ты за сегодня сколько раз услышал, что «было не-вы-во-рот-но»? – Он старательно скопировал недовольную интонацию Юрия Сергеевича.

Язвить или наступать ему на болезную мозоль, тыкая носом в промахи, на которые и без того указал наставник, Даня совсем не хотел. Глеб же лучший друг, родная душа и с первого класса любимый соперник. Вот только после чертовой травмы нет больше никакого соперничества: Глеб с каждым днем выглядит все лучше, а он, Старцев, сидит в углу и смотрит на это. Как же больно это иногда жжет. Как тяжело представлять сцену, которая раньше и нарисоваться в голове не могла: труппа Мариинского или, например, Большого приглашает Глеба сразу первым солистом, а недоделанной звезде Старцеву не находят места даже в кордебалете. Даня на секунду отвел от друга взгляд: нет, нельзя такое воображать, и к Глебу нечего цепляться, как будто он виноват в чем-то! Но... немножко подразнить ведь можно?

Даня слегка улыбнулся и негромко повторил:

– Не-вы-во-рот-но...

– Просто отвлекался! – тут же вскинулся Глеб. – Не выпался немного.

– Да потом пособачитесь! – Ника решительно выпихнула обоих в коридор. – Пойдемте лучше проветримся хоть пять минут!

Мысль о следующем уроке в пыльном музее явно удручила Глеба не меньше, чем Даню, и они оба поспешили Нику послушаться.

Снаружи было непривычно шумно. Не просто шумно, а как-то даже тревожно. Так уже нередко бывало перед отбором на большую сцену, или если кто-нибудь получал особенно классное предложение о работе – из Михайловского, а то и Мариинского или Большого. Или когда в гости внезапно ожидалась знаменитость.

Знаменитость... Даня, Глеб и Ника переглянулись. Тут же мимо них прокатилась, размахивая руками, толпа шестикурсников, и Даня уловил в их возбужденном гомоне: «Прямо из Нью-Йорка!», «Нет, из Парижа, там же в “Рубинах” танцевала!», «Просто с лекциями», «Мастер-класс!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.